

Радь Эльза Анисовна

"ВЕРНО УСЛЫШАТЬ - ВОТ МОЯ ЗАБОТА": ТРИЕДИНСТВА В ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

В статье затрагивается вопрос об особенностях жизнетворчества М. И. Цветаевой: способности поэта слушать и вслушиваться, триединствах, воплощенных в жизнетворчестве через образы поэтического сознания, положении уникального "я" поэта - над-мирности, умении отвечать на события, факты, встречи, открытия, о сложной взаимосвязи слова, звука и смысла. Попытка постижения ее сложного художественного мира приоткрывает читателю и исследователю духовный облик поэта, величие которого - в сопряженности с божественным началом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-2/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 2. С. 45-48. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

кризисе, о будущем расколе в русском мире: то вспомнятся героям-старикам суэта и беды и прошлых лет, и нынешняя неустроенность детей, то украдут деньги в доме умершего.

Таким образом, дом остаётся необычайно востребованной категорией в поэтике Шмелёва, который представляет мир своих героев как мир их домов. Стратификация мотивов в дореволюционном творчестве писателя позволяет видеть их моделирующую функцию и высокую роль в авторском дискурсе, в реализации нарративной составляющей художественного текста. Мотив дома получает одно из доминирующих значений при создании художественного пространства персонажей, в динамике повествовательного движения, формируя направление семантического притяжения или отторжения для большинства мотивов, организующих сюжетную и мотивную систему повестей и рассказов этих лет.

Список источников

1. Бальбуров Э. А. Мотив и канон // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»: сюжет и мотив в контексте традиции. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1998. Вып. 2. С. 6-20.
2. Климова М. Н. Миф о великом грешнике в русской литературе (к постановке вопроса) // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»: от сюжета к мотиву / под ред. В. И. Тюпы. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1996. Вып. 1. С. 86-97.
3. Проскурина Е. Н. Мотив бездомья в произведениях А. Платонова 20-30-х годов // Вечные сюжеты русской литературы: («блудный сын» и другие) / под ред. Е. К. Ромодановской, В. И. Тюпы. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1996. С. 132-140.
4. Шмелев И. С. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Сибирская Благовонница, 2008. Т. I. 1895-1910. 509 с.
5. Шмелев И. С. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Сибирская Благовонница, 2008. Т. II. 1910-1912. 637 с.
6. Шмелев И. С. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Сибирская Благовонница, 2008. Т. III. 1913. 638 с.
7. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / сост. К. Королев. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2006. 608 с.

THE MOTIVE OF HOME IN I. S. SHMELYOV'S PRE-REVOLUTIONARY CREATIVE WORKS

Paraskeva Elena Vladimirovna
Surgut State Pedagogical University
afina-tiras@yandex.ru

The article is devoted to the research of the specificity of functioning of the motive of home by the material of both the early novels of the “znaniye” period of I. S. Shmelyov’s creativity and later works, where the features of neorealism and the impact of impressionistic practices (“Collapse”, “The Man from the Restaurant”, “The Wall”, “Rosstani” and others) can be seen. The peculiarities of structural-semantic load of the motive of home and its dynamics in the system of motives of these works are presented in the research. It is ascertained that the notion “home” is comprehended by Shmelyov phenomenologically, and the motive received in the writer’s prose the role of one of semantic and plot dominating ideas. This role performs the structural modeling function and corresponds with the characters-actants.

Key words and phrases: I. Shmelyov; system of motives; neorealism; motive of home; narratology.

УДК 821.161.1

В статье затрагивается вопрос об особенностях жизнетворчества М. И. Цветаевой: способности поэта слушать и вслушиваться, триединствах, воплощенных в жизнетворчестве через образы поэтического сознания, положении уникального «я» поэта – над-мирности, умении отвечать на события, факты, встречи, открытия, о сложной взаимосвязи слова, звука и смысла. Попытка постижения ее сложного художественного мира приоткрывает читателю и исследователю духовный облик поэта, величие которого – в сопряженности с божественным началом.

Ключевые слова и фразы: М. Цветаева; жизнетворчество; над-мирность; триединства; «миро-слушанье»; слово; оппозиции.

Радь Эльза Анисовна, д. филол. н., доцент
Башкирский государственный университет (филиал) в г. Стерлитамаке
Elza_rad@mail.ru

**«ВЕРНО УСЛЫШАТЬ – ВОТ МОЯ ЗАБОТА»:
ТРИЕДИНСТВА В ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ**

Опубликовано за счет внутривузовского гранта СФ БашГУ (проект В17-61).

М. И. Цветаева – самый яркий и искренний поэт XX в., искренний в своей открытости, откровенности, интимности, совестливости, исповедальности. А. А. Саакянц отмечает: «Цветаева... была по натуре абсолютно,

до крайности, беспощадно и вызывающе – искренна» [7, с. 51]. Ее художественное наследие продолжает вызывать всевозрастающий читательский и исследовательский интерес. И потому, что ее наследие отличается неисчерпаемостью, смысловой многослойностью (особенно в зрелом периоде), и потому, что поэзия М. Цветаевой требует усилия мысли и побуждает к попытке постижения ее мира, а через ее творчество – вхождения в своеобразие художественных и нравственно-философских исканий и достижений в начале XX века.

Творчество М. Цветаевой обнаруживает редкостно искреннюю внутреннюю (при категорично высказываемом ею отчуждении от современности) отзывчивость к эпохе, реальным событиям, происходящим в стране и в ее частной жизни, философски осмысленным. Неразрывны друг от друга и составляющие *триединство* – история, частная жизнь и творчество. К. Б. Жогина пишет о двуединстве – нерасторжимом взаимодействии жизни и творчества, взаимообусловленность которых можно выразить понятием «жизнетворчество» [4, с. 62]. Суть его в том, что жизнь узнает в творчестве собственный духовный облик, тогда как творчество оживает, находит пластическое воплощение в живых формах личности и судьбы. Жизнетворчество Цветаевой построено на *сочетании полярностей*, на одновременном утверждении предельной всеобщности и предельной же индивидуальности [Там же, с. 62-63].

«Сочетание полярностей» (К. Жогина), «неизменная двоякость» (А. Саакянц), «цветаевские контрасты» (И. Кудрова), «амбивалентное соединение крайностей» (Ю. Лотман), «бинарные оппозиции» (Н. Трубецкой) в художественном мире поэта, разнообразно художественно воплощенные на разных уровнях организации текста и требующие разгадки, порождены двоичностью восприятия окружающего мира и себя в нем.

Положение уникального «я» поэта – не только *вне* этого мира (Цветаева сама упивается своим состоянием личности, нахождения «вне сословия, профессии, ранга», вне рамок и правил), а в большей степени – *над* миром. *Над-мирность* поэта, принявшего свое бытие вне социума (вне нации, «над нацией»), позволяет ему демонстрировать свою поэтическую индивидуальность, *слушая* этот мир, а физическое «присутствие» в мире – воспринимать свою судьбу как беду, противопоставлять себя миру материальных ценностей, чувств и людей, проявлять открытый протест и ощущать внутреннюю дисгармонию и отсутствие навязываемой извне цельности.

Состояние над-мирности отражает всевременной конфликт между «землей» и «небом» – *конфликт быта и бытия*.

Жизнетворчество репрезентирует, прежде всего, неповторимое, уникальное «я» поэта, живущего в *над-мирном* состоянии, вне его обычаев и правил, да и *вне* своего тела.

В январе 1926 г. в Париже М. Цветаева написала статью «Поэт о критике», где откровенно разъяснила свою жизненную и поэтическую позицию, суть своего творчества, заключенные в умении *слушать, прислушиваться и вслушиваться*, высказалась о возможном отношении критика к ее поэзии как к космосу: «Слушаю я... каждого большого поэта и каждого большого человека, еще лучше – обоих в одном. <...> Кого же я еще слушаю, кроме голоса природы и мудрости? Голос всех мастеровых и мастеров. <...> Вот мое писание – вслушиваться. <...> Верно услышать – вот моя забота» [11, с. 281-285].

В раннем творчестве М. Цветаева *слушает*: «На крыльцо выхожу – слушаю...» (1916) [12, с. 260], «Слышу страстные голоса – / И один, что молчит упорно», «Стою и слушаю и растираю колос, / И темным куполом меня замыкает – голос» (1916) [Там же, с. 307, 308]. В зрелом – *вслушивается в глубинные структуры мира*, порождая «мышление о мире»: «– Не думай, а следуй, не думай, а слушай... / А флейта все слаще, а сердце все глуше...» (1925) [14, с. 108].

Летом этого же 1926 г. М. Цветаева в письме к П. П. Сувчинскому обозначила проблему поэтической самоидентификации, назвав себя поэтом, чье творческое кредо – не мировоззрение – созерцание, а «*миро-слушанье, слышанье*» [9, с. 321].

Исследователи не раз отмечали, что Цветаева идентифицирует себя с птицей, принимая внутреннее состояние *над-мирности*:

Бог меня одну поставил
Посреди большого света.
– Ты не женщина, а птица,
Посему – летай и пой (1918) [13, с. 122].

Всегда летать, путешествовать (в прямом и метафорическом смысле слова), быть в дороге, слушать и петь. Именно такое назначение поэта и понимание поэтического слова – как путешествия в пространстве и времени – близко поэтам Серебряного века. Неслучайно в том же 1918 г. М. Цветаева, не приемля современный мир, новую историческую реальность, написала:

Так, высоко запрокинув лоб,
– Русь молодая! – Слушай! –
Опровергаю лихой поклеп
На Красоту и Душу.

Над кабаком, где грехи, гроши,
Кровь, вероломство, дыры –
Встань, *Триединство моей души*:
Лилия – Лебедь – Лира (июль 1918) [Там же, с. 98]!

В стихотворении прочитывается «зашифрованное интимное сообщение» о внутренней упорядоченности, противопоставленной внешнему хаосу. В каждом структурном элементе триединства («триединства» вообще привлекали Цветаеву) представлены образы поэтического сознания, раскрывающие ипостаси единой сущности, производные одного источника – Поэта: семантика двойственности, святости и греховности, андрогинности, душевной чистоты – в Лилии; семантика странствующей одинокой души, музыки и поэзии – в Лебеде; символика ритмического звучания космоса, божественной гармонии – в Лире. «Зашифрованное сообщение» – ответ своему времени.

М. Цветаева называет себя «не ведомым», т.е. безвопросным, не спрашивающим, а *отвечающим*, беззащитным, как открытая рана, поэтом. Она... *отвечает* на события, факты, встречи, открытия не только современного ей времени, но и отзывается на прошлое и будущее. В ее ответе размываются границы между текстом истории, текстом частной жизни и текстом творчества – биография истории и история биографии становятся порождением литературы. В создаваемой картине истории биографии и биографии истории поэт, как считает Цветаева, – «сам событие своего времени» [3, с. 159].

Жизнетворчество Цветаевой отражает и факт органического сплетения «чужого текста» (фактов истории, фактов биографии, чужих произведений) с «автобиографичностью», собственными жизненными впечатлениями. По мнению И. Шевеленко, «Цветаевой необходимо чужое произведение – как носитель темы, сюжета, мотива, идеи, а иногда и метра, – потому что собственный текст она мыслит всегда как *ответ* (Не случайно утверждение, что искусство – это не вопрос, а ответ, – одна из любимейших мыслей зрелой Цветаевой.)» [15, с. 47]. Ее ответы – поэтические слова – песни, призванные исправить, изменить и – гораздо в большей степени – восстановить Россию, одухотворить, облагородить, приблизить к Богу, с чем связано главное предназначение Поэта.

В письме Шарлю Вильдраку в 1930 г. написала о стихах: «Чтобы вещь *продлилась*, надо, чтобы она стала песней. <...> *звуковое* начало в моих стихах преобладает над *словом*, как таковым (подразумевается – над смыслом)! <...> вы оказались пронизательнее других, сопоставив не только звук и смысл, но и – слово (третью державу). <...> Я пишу, чтобы *добраться до сути*, выявить суть; вот основное, что могу сказать о своем ремесле. И тут нет места звуку вне слова, слову вне смысла; тут – триединство» [10, с. 377].

Попытку «добраться до сути» М. Цветаева воплотила в стихотворении 1923 года «Так вслушиваются...» через парадигму чувств и чувствований в их *глубинной предельности* («Вглубь – до потери чувства!»): «вслушиваться в исток», «внюхиваться в цветок», «всматриваться в память», «вчувствоваться в кровь», «влюбливаться в любовь», «впадываться в пропасть», «вглатываться в глоток», «вплакиваясь в плач», «вшепываться в шепот», «вкрикиваться в крик», «вмалчиваться в тишь», «вбаливаться в любовь». Слова в их слышимости и смысловой наполненности приходят в цветаевскую поэтическую реальность из недр ее поэтического сознания, в котором слово-образы есть органическое, нерасчленимое триединство как главная черта ее таланта слушать – слышать – отвечать – диалогизировать, как отражение природы ее Дара.

Тонкая и сложная взаимосвязь слова, звука и смысла передает глубинную суть поэзии. Размышления Цветаевой хорошо дополняются высказыванием О. Мандельштама, расширяющим контекстное пространство слова: «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку. Произнося “солнце”, мы совершаем как бы огромное путешествие, к которому настолько привыкли, что едем во сне. Поэзия тем и отличается от автоматической речи, что будит нас и встряхивает на середине слова. Тогда оно оказывается гораздо длиннее, чем мы думали, и мы припоминаем, что говорить – значит всегда находиться в дороге» [5, с. 119].

Для Цветаевой слово – некое замкнутое (но неисчерпаемое по глубине содержания) пространство, звук как отражение слова – пространство безграничное, но и то и другое представляют время: биографическое (поэта как яркой индивидуальности в его уникальности и неповторимости) и историческое (мироощущение человека эпохи с характерными для нее событиями, фактами, открытиями), теснейшим образом связанные между собой [1, с. 102].

В цикле «Комедьянт» (1919) в одном из стихотворений М. Цветаева обращается к своим друзьям, актерам Вахтанговской студии – «родному триединству» – «единству множества» – Антокольскому, Завадскому и Алексееву:

И, упражняясь в старческом искусстве
Скрывать себя, как черный бриллиант,
Я слушаю вас с нежностью и грустью,
Как древняя Сивилла – и Жорж Занд [13, с. 146].

И в этом обращении – стороннее наблюдение за их творчеством, осознание духовного с ними единения, внутреннего родства.

Итак, умение слушать для поэта – это:

- иметь свой, особый взгляд на мир, на поэзию;
- добраться до сути, т.е. осмыслить, разгадать;
- сопереживать (сопереживание как способность слушать сердцем);
- слышать свою душу и слышать душой (у Цветаевой ориентиром становится она сама, ее внутреннее естество: «Что я делаю на свете? – Слушаю свою душу» (1917) [6]);
- понять себя (способность слушать себя – возможность слышать других людей и природу);

– откликаться, вступать в диалог, проявляя интерес к личностям и творчеству других поэтов (Цветаева в «Воспоминаниях о современниках» трепетно пишет о сосуществовании поэта с поэтом – о М. Волошине, с которым в Коктебеле любила беседовать, как о человеке «со-бытийном», о том, что М. В. никогда не давал почувствовать преимуществ своего опыта, «всякий хороший стих *слушал*, как свой» [8, с. 176]);

– уметь отдавать (силы, время, душу), проявляя внимание, возможно, преклонение;

– воспринимать и слышать звуки, тишину, пространство и время.

Делая предварительные выводы, заключим, что для Цветаевой чрезвычайно значимы *триединства*: а) звук, слово, смысл; б) слушать, вслушиваться, слышать; в) Лилия, Лира, Лебедь как ипостаси единой сущности; г) история, биография, творчество; д) триединства равносущих поэтов в монологах, диалогах, полилогах; е) постановка вопроса – ответ – новая постановка вопроса; ж) сплетения «чужого текста» (факты истории, события биографии (не только своей), тексты других авторов); з) пространство, время, душа. Триединство, ассоциативно отсылающее к проявлению божественного начала, отражает природу поэтического искусства: «Лирика – это видение и *слышание* себя изнутри эмоциональными глазами и в эмоциональном голосе другого: я *слышу* себя в другом, с другими и для других. <...> Я нахожу себя в эмоционально-взволнованном чужом голосе, воплощаю себя в чужой воспевающей голос, нахожу в нем авторитетный подход к своему собственному внутреннему волнению; устами возможной любящей души я воспеваю себя. <...> Петь голос может только в теплой атмосфере, в атмосфере возможной хоровой поддержки, принципиального звукового неодиначества» [2, с. 149]. Звуковое «неодиначество» для Цветаевой осуществлялось в сотворчестве с поэтами-современниками и предшественниками, с потомками, к которым она обращалась.

Список источников

1. Акбашева А. С. Серебряный век: художественное и читательское творчество: монография. Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия им. Зайнаб Бишевой, 2011. 201 с.
2. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. С. 7-181.
3. Бродский И. О Марине Цветаевой. Поэт и проза // Новый мир. 1991. № 2. С. 151-180.
4. Жогина К. Б. Знакомство с поведением Марины Цветаевой // Стихия и разум в жизни и творчестве Марины Цветаевой: XII Международная научно-тематическая конференция (9-11 октября 2004 года): сб. докладов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2005. С. 55-65.
5. Мандельштам О. Разговор о Данте // Мандельштам О. Слово и культура: статьи. М.: Советский писатель, 1987. С. 108-153.
6. Наследие Марины Цветаевой. Записная книжка 3 (1916-1918) [Электронный ресурс]. URL: http://www.tsvetaeva.com/prose/pr_3zap_3 (дата обращения: 15.04.2017.)
7. Саакянц А. Марина Цветаева: жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1997. 816 с.
8. Цветаева М. И. Живое о живом // Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7-ми т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. Т. 4. Кн. 1. Воспоминания о современниках. С. 159-220.
9. Цветаева М. И. Письмо П. П. Сувчинскому // Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7-ми т. / сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1998. Т. 6. Кн. 1. Письма. С. 314-325.
10. Цветаева М. И. Письмо Шарлю Вильдраку. 1930 г. // Собрание сочинений: в 7-ми т. / сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1998. Т. 7. Кн. 1. Письма. С. 377-380.
11. Цветаева М. И. Поэт о критике // Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7-ми т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. Т. 5. Кн. 1. Автобиографическая проза; Статьи; Эссе. С. 274-297.
12. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7-ми т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. Т. 1. Кн. 1. Стихотворения. 336 с.
13. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7-ми т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. Т. 1. Кн. 2. Стихотворения. 320 с.
14. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7-ми т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. Т. 3. Кн. 1. Поэмы; Поэмы-сказки. 352 с.
15. Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой: идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 464 с.

“TO HEAR CORRECTLY IS MY CONCERN”: TRINITIES IN M. I. TSVETAeva'S CREATIVE LIFE

Rad' El'za Anisovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak
Elza_rad@mail.ru

The article deals with the issue of the peculiarities of M. I. Tsvetaeva's creative life: the ability of the poet to listen and to listen attentively, the trinities embodied in the creative life through the images of poetic consciousness, the position of the poet's unique “I” – above the world state, the ability to respond to events, facts, meetings, discoveries, the complicated interrelation between the word, the sound and the meaning. The attempt to comprehend its complex artistic world reveals to the reader and the researcher the spiritual character of the poet, whose greatness lies in conjugacy with the divine principle.

Key words and phrases: M. Tsvetaeva; creative life; above the world state; trinities; “hearing the world”; word; oppositions.